

ДОНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Редакціи при Донецкой Духовной Семинаріи въ Новочеркаскѣ. Цѣна годовому изданію въдомостей съ доставкою и пересылкою 4 р. серебромъ.

годъ двѣнадцатый.

№ 21. 1880. 1-го ноября.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Государь Императоръ, въ 8-й день минувшаго сентября, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о перемѣненіи епископа аксайскаго **Нестора**, викарія донской епархіи, на вакансію епископа выборгскаго, втораго викарія с.-петербургской епархіи.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

I. Отъ 27 августа—12 сентября 1880 г. № 1748 о принятіи православнаго миссіонерскаго общества подъ Августѣйшее покровительство Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 14 августа 1880 года за № 3803, о томъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволилъ въ 9-й день

августа сего 1880 года на принятіе православнаго мисіонерскаго Общества подъ Августѣйшее покровительство Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи для напечатанія оного въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ сообщить редакціи оного.

II. Отъ 27 августа—12 сентября о награжденіи священника Діонісія Царевскаго орденомъ св. Анны 3-й ст. за подвигъ самоотверженія, оказанный имъ при спасеніи церкви села Подъема николаевскаго уѣзда

Пресвященный самарскій донесъ Святѣйшему Синоду, что 18 мая 1879 года въ 3 часа пополудни въ селѣ Подъемѣ николаевскаго уѣзда былъ пожаръ, отъ котораго въ теченіи двухъ часовъ сгорѣло 162 дома, среди которыхъ угрожала страшная опасность и храму Божію; но мѣстный священникъ Діонісій Царевскій, тотчасъ же оставивъ свой домъ съ имуществомъ, поспѣшилъ въ церковь и при помощи нѣкоторыхъ лицъ вынесъ все церковное имущество въ безопасное мѣсто; затѣмъ, когда усиліями Царевскаго были потушены загорѣвшія стропила церкви, то онъ, не бывши еще на своемъ пепелищѣ, опять перенесъ церковное имущество во храмъ. Между тѣмъ задимаемый Царевскимъ домъ почти со всемъ имуществомъ сгорѣлъ въ его отсутствіе. Въ 12 часовъ ночи церковь вторично загорѣлась, почему священникъ Царевскій, взявши своего работника крестьянина села Подъема Ивана Чилигина, снова поспѣшилъ въ храмъ и вынесъ изъ него все церковное имущество. Въ это время на колокольнѣ горѣли потолокъ и перекладки; но такъ какъ никто изъ жителей не рѣшился лезть на колокольню, гдѣ грозило опасностью сгорѣть или быть придавленнымъ колоколомъ, то священникъ Царевскій съ вышеназваннымъ работникомъ своимъ влезли на колокольню и тушили горѣвшія перекладки, стропила и потолокъ. Тамъ, подвергая жизнь свою явной опасности, Царевскій, въ теченіи семи часовъ, своими усиліями и распорядительностію при помощи нѣ-

сколькихъ лицъ не далъ распространиться огню и такимъ самоотверженіемъ спасъ церковь отъ погибели, хотя самъ отъ сильнаго жара едва не ослѣпъ, долго страдая болѣзнію глазъ и головы. Такъ какъ такой подвигъ самоотверженія священника Царевскаго при спасеніи церкви отъ пожара подтвержденъ полицейскимъ дознаніемъ, то преосвященный Серафимъ ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о награжденіи священника Царевскаго орденомъ св. Анны 3-й степени. Святѣйшій Синодъ, признавъ вышеописанный подвигъ самоотверженія священника Царевскаго заслуживающимъ особаго вниманія, опредѣлилъ 2-го—26-го мая постановить: 1) предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на награжденіе Царевскаго, согласно ходатайству преосвященнаго самарскаго, орденомъ св. Анны 3-й ст.; 2) поручить Хозяйственному Управленію, въ виду того, что священникъ Царевскій, при спасеніи церкви отъ пожара, лишился всего почти своего имущества, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣніе о томъ, въ какомъ размѣрѣ, по настоящему положенію синодскихъ средствъ, можетъ быть назначено Царевскому денежное вспомошествованіе; 3) въ случаѣ воспослѣдованія Высочайшаго соизволенія на награжденіе священника Царевскаго, о самоотверженномъ его подвигѣ, изъясненномъ въ представленіи преосвященнаго самарскаго за № 1816, напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“ (и 4) крестьянину села Подъема Ивану Чилигину за дѣятельное его участіе въ охраненіи церкви отъ пожара предодать благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею установленной грамоты. Засиамъ, по всеподданнѣйшему докладу таковаго опредѣленія Синода, Государь Императоръ, въ 14-й день минувшаго августа, Высочайше соизволилъ на соприсчисленіе священника Царевскаго за описанный выше подвигъ самоотверженія къ ордену св. Анны 3-й степени.

III. Отъ 13 августа — 25 сентября 1880 г. № 69 о книгѣ Молчанова: «Святый Меодій, епископъ и мученикъ, отецъ церкви III вѣка».

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложение г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29-го іюля 1880 г. за № 275, съ журналомъ Учебнаго Комитета, коимъ признается возможнымъ одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ семинарій изданную статскимъ совѣтникомъ Молчановымъ книгу: „Святый Меодій, епископъ и мученикъ, отецъ церкви III вѣка“ (С.-Петербургъ. 1877 г.). Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Протоколы съѣзда депутатовъ отъ духовенства Новочеркасскаго училищнаго округа.

Резолюція Его Высокопреосвященства.
№ 1843. 27 сентября. Утверждается, кромѣ 3 статьи. *Ходатайствовать о дополненіи къ получаемому жалованью учителей, я нахожу неудобнымъ, потому что много свѣчной суммы потребовалось на устройство зданій при Донской семинаріи, и еще вскорѣ потребуется значителная сумма оной для устройства зданій Усть-Медвѣдицкаго училища.*

1880 года сентября 17 дня депутаты отъ духовенства Новочеркасскаго училищнаго округа въ засѣданіи своемъ имѣли сужденіе о нижеслѣдующихъ предметахъ.

1) Слушали прошеніе а) исправляющаго должность инспектора Донской духовной семинаріи статскаго совѣтника Алексѣевича Орлова, б) эконома той же семинаріи титулярнаго совѣтника Арсенія Григорьева Алексѣева, в) преподавателя Донской духовной семинаріи Леонтія Епифановича и г) казачки Гундоровской станицы Натальи Васильевой Поповой, объ освобожденіи ихъ отъ взноса 15 р. за право обученія: Орлова и Алексѣева — сыновей, Епифановича — брата и казачки Поповой — сына, обу-

чающихся въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ; такъ какъ Орловъ, Епифановичъ и Алексѣевъ служили и служатъ въ интeресахъ Донскаго духовенства и притомъ Епифановичъ оимѣеть еще на своемъ попеченіи крайне нуждающихся, въ Минской губерніи, — родную мать, сестру и трехъ братьевъ, а казацкаго Попова, вѣлѣдствіе исключенія, по болѣзни, изъ духовнаго званія мужа ея Александра Попова, добываетъ средства для содержанія сына своего уже нѣсколько лѣтъ собственными трудами, то съѣздъ депутатовъ нашелъ просьбы ихъ заслуживающими уваженія и постановилъ освободить ихъ на будущее время отъ взноса 15 руб. за право обученія.

2) Слушали словесное заявленіе члена правленія Новочеркаскаго духовнаго училища, священника Виталія Ермолова о слѣдующемъ: многие изъ своекоштныхъ учениковъ бѣднаго состоянія чаше всего нуждаются въ матеріальныхъ средствахъ, какъ-то обуви и т. п., а родители ихъ или по ограниченности своихъ средствъ или по отдаленности отъ учебнаго заведенія не имѣютъ возможности удовлетворить во время ихъ нуждамъ; вѣлѣдствіе этого съѣздъ депутатовъ нашелъ полезнымъ учредить при Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ, по примѣру семинари, кассу, изъ которой бы воспитанники, при крайнихъ своихъ нуждахъ, могли заимствовать пособіе на свои неотложныя нужды. Для составленія этой кассы отдѣлять ежегодно отъ причта каждой церкви въ продолженіи пяти лѣтъ по 50 коп. съ тѣмъ, чтобы члены правленія выдавали изъ оной нуждающимся ученикамъ по должномъ разсмотрѣніи состоянія ихъ родителей и нуждъ: — инымъ безвозвратно, другимъ съ возвращеніемъ, полагая при этомъ по 4% и выдавать не болѣе 30 руб.

3) Слушали прошеніе учителей Новочеркаскаго духовнаго училища, въ коемъ они просятъ съѣздъ депутатовъ отъ духовенства, не найдутъ ли они возможнымъ прибавить имъ жалованья, въ какомъ найдутъ возможномъ количествѣ, такъ какъ годовое жалованье въ 600 р., при существующей нынѣ дороговизнѣ необ-

ходимыхъ продуктовъ, оказывается въ городѣ Недостаточнымъ. Депутаты съезда разсуждаю о прошеніяхъ учителей. При анализ ихъ достойными вниманія, и на потому положили ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ изъ уваженія къ вышеизложеннымъ причинамъ учителей духовнаго училища, сдѣлать имъ дополненіе въ получаемому ими жалованію по крайней мѣрѣ, въ 10 руб. въ годъ, каждому изъ церковной сѣбной суммы. (журналъ 4) Многие изъ депутатовъ къ назначенному сроку на съездѣ не явились, изъ отчего самый съездъ къ назначенное 16 число не состоялся, а состоялся уже 17 сентября; принявъ это во вниманіе, явившіеся депутаты просятъ епархіальное начальство сдѣлать внушеніе всѣмъ депутатамъ, чтобы они на будущее время являлись своевременно, въ противномъ случаѣ подвергать ихъ денежному штрафу въ пользу кассы для бѣдныхъ учениковъ духовнаго училища.

Отъ Совѣта Братства преподобнаго Сергія.

1880 года, сентября 26 дня, при Московской Духовной Академіи открыто Братство преподобнаго Сергія, съ цѣлью доставлять нуждающимся студентамъ оной денежныя и другія матеріальныя пособія. Взносы отъ пожизненныхъ членовъ Братства (единовременно не менѣе 100 руб.) и отъ дѣйствительныхъ (каждогоддо не менѣе 5 руб.), а равно и другія пожертвованія принимаются: 1) Совѣтомъ Братства, что при Московской Духовной Академіи, въ Сергіевомъ посадѣ, Московской губерніи; 2) Предсѣдателемъ Совѣта, Пресвященнѣйшимъ Алексіемъ, епископомъ Можайскимъ, викаріемъ Московской Митрополи, на Саввинскомъ подворьѣ и членами Совѣта: 3) Ректоромъ Московской духовной семинаріи, протоіеремъ Николаемъ Васильевичемъ Благоразумовымъ; 4) Московской Софійской, на Лубянкѣ, церкви протоіеремъ Павломъ Михайловичемъ Волхонскимъ, въ собственномъ домѣ, на Софійскѣ; и 5) Московской Спасской, въ Каретномъ ряду, церкви священникомъ Алексіемъ Федоровичемъ Некрасовымъ, въ домѣ Спасской церкви.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Наставленіе воспитанникамъ Донской семинари предложенное и. д. ректора семинари, архимандритомъ Меѳодіемъ, на воздвиженіе Честнаго и животворящаго Креста Господня.

Нынѣ празднуемъ мы всемірное Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Праздникъ сей — одинъ изъ важнѣйшихъ праздниковъ во всемъ христіанскомъ мірѣ и называется *всемірнымъ*, что есть общимъ для всей церкви. Что послужило основаніемъ къ установленію настоящаго праздника въ честь воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня? И какое назиданіе представляетъ намъ это торжество? — Побесѣдуемъ объ этомъ.

Воздвиженіе Честнаго Креста есть торжество, установленное церковью въ память двухъ событій, радостныхъ для церкви, именно въ память чудеснаго обрѣтенія Креста Господня при Императорѣ Константинѣ Великомъ (въ 4 вѣкѣ), а также въ память славнаго возвращенія его изъ плѣна персидскаго при Императорѣ Иракліѣ (въ 7 вѣкѣ). Такимъ образомъ первоначальное учрежденіе настоящаго праздника относится къ 4 вѣку. Болѣе трехъ вѣковъ продолжалось уничтоженіе животворящаго креста, времени смерти нашего Спасителя и Господа. И тогда какъ славою Распятаго огласились уже все концы вселенной, орудія спасенія, скрыва въ недрахъ земли у подножія горы Голговы, никто не зналъ изъ вѣрующихъ. Но Промыслъ Божій, устроивая для церкви своей торжество обрѣтенія животворящаго креста Господня, постепенно приготовлялъ и избранныя орудія славы Его. Для прославленія славнаго, но обезславленнаго врага мѣ церкви Христовой, животворящаго древа крестнаго, Самъ Богъ на великой хартии неба начертываетъ анологію и предвозвѣщаетъ грядущую славу и силу этому святому Древу. Когда Константинъ Великій, только что возведенный на императорскій

престоль, долженъ былъ воевать съ возставшимъ противъ него Максентіемъ и выступилъ противъ него съ войскомъ, во время осады Рима вмѣстѣ съ своими воинами, опасавшимися превосходной силы непріятели, послѣ полудня увидѣлъ слитый изъ свѣта вокругъ солнца крестъ съ надписью: „симъ побѣждай“! Въ слѣдующую ночь во время сна съ тѣмъ же знаменіемъ креста явился Константину въ человѣческомъ видѣ Самъ Иисусъ Христосъ и повелѣлъ по образу видѣннаго имъ на небѣ креста оустроить воинское знамя и знаменіемъ креста ознаменовать шитыя воинскіе. Константинъ исполнилъ повелѣніе Христово и подъ знаменіемъ креста одержалъ полную побѣду надъ Максентіемъ. Погибъ иже внѣ Максенція, Константинъ Великій немедленно поставилъ на Римской площади св. крестъ Господень, какъ орудіе сеговѣстия и побѣды. Это было въ 312 году. Съ этого времени все измѣнилось: нѣкогда безславное орудіе страшнѣй казни сдѣлалось теперь славнымъ, презираемое — достопоклоняемымъ предметомъ благоговѣннаго почитанія; сильное и могучее разбилось о немощное, а немощное возрасло въ силу и крѣпость, неодолимою явля. Слава Распятаго быстро прогнала мракъ невѣрія и заблужденія, а великій крестъ Господень побѣдно засіялъ во всѣхъ концахъ міра. Константинъ Великій съ большею ревностію заботился о распространеніи христіанства и искорененіи язычества; одною рукою онъ созидалъ христіанскіе храмы, другою — испровергалъ идоловъ, разрушалъ капища или обращалъ ихъ въ христіанскіе храмы. Особенное вниманіе онъ обратилъ на св. землю, означенную событіями изъ жизни Спасителя. Неоднократно испытывалъ силу креста, Константинъ Великій возымѣлъ благую мысль обрѣсти въ нѣдрахъ земли Іудейской то самое древо, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра, и упросилъ благочестивую мать свою, царицу Елену, отправиться къ свитымъ мѣстамъ, для обрѣтенія тамъ драгоценнаго сокровища и устроенія храмовъ на разныхъ мѣстахъ, освященныхъ стопами Богочеловѣка. Благочестивая Елена въ 326 году отправилась въ Палестину съ тѣмъ,

чтобы освятить себя поклоуеніемъ мѣстамъ страданія и кресты Господа и употребить всѣ усилія къ отысканію честнаго вѣста. Егип. Царь же не смѣлъ открыть этого сокровища. Въ давности событія распятія Господа мѣстѣ съ двумя разбойниками и непознанія христіанами до того мѣста, гдѣ было зарыть иудеями крестъ Господень, до трудно было остановиться на какомъ либо пунктѣ близъ горы Голгои, да съ надеждою обрѣсти истинное сокровище. Невѣрующіе иудеи и язычници, дыша слѣпою ненавистію къ христіанамъ и яко всему, что носило память о начаткахъ ихъ вѣры, уничтожили всѣ слѣды къ отысканію животворящаго древа, на мѣстности, въ искаженной всѣмъ умомъ и неизмѣнной потѣ разныхъ на ней соборуженій языческихъ капищъ. Послѣ долгихъ совѣщаній Императрицы съ Іерусалимскимъ патріархомъ Макаріемъ, она рѣшилась сослать старѣйшихъ посѣлтамъ иудеевъ, но они сами не знали, гдѣ ихъ предки зарыли крестъ, да и не указали на дѣйствительное древо; однако же онъ не прежде указалъ это мѣсто, какъ по шести дневномъ голодѣ и въ безводномъ колодцѣ. Наконецъ мѣсто указано на сѣверовосточной сторонѣ Голгои, гдѣ было капище Венеры. Капище зарыли, и начали копать землю, и благоуханіе, испешедшее изъ глубины земли, подтвердило надежду равноапостольной царицы и ободрило трудящихся. По ея повелѣнію, усилія были усилены, и въ скоромъ времени вырыты были три креста. Оставалось узнать, который изъ нихъ былъ истинный Спасительскій. Для этого, по совѣту патріарха Макарія, всѣ три креста были воздаты, и одинъ послѣ другаго, сначала слабѣе, потомъ на мертвеца, и наконецъ на разслабленнаго возсталъ съ одра болѣзней, и какъ мертвецъ воскресъ отъ прикосновенія животворящаго древа крестнаго, тогда какъ прочіе кресты не произвели никакого дѣйствія. Патріархъ, царица и вся ея свита, пораженные и изумленные двукратнымъ чудомъ, и подтвержденіемъ спасительной силы креста, и начали благоговѣно поклоняться оному Божественному сокровищу и вслѣдствіи лобызать его, или хотѣвъ прилечь къ нему, и

но такъ какъ тѣснота мѣста, а при безчисленномъ стеченіи народа, не позволяла каждому изъ вѣрующихъ видѣть его, облобызавъ животворящій крестъ Господень, оттого многіе просили, чтобы имъ, по крайней мѣрѣ, показали его. Тогда патріархъ Макарій, ставши на возвышенное мѣсто, къ воздвигалъ честное древо креста на все четыре стороны, и показывая его отдаленному народу, знаменавъ родъ, съобъятый благоговѣнною радостію: восклицалъ: Господи помилуй, и ли повергался ницѣ предъ честнымъ деревомъ. Отъ этого первоначальнаго воздвиженія животворящаго древа для изосерцація и поклоненія вѣрныхъ, какъ давшихъ видѣть его, и самый праздникъ, установленный по случаю обрѣтенія его, и называется Воздвиженіемъ. Такъ какъ это обрѣтеніе было во время Пасхи, то и праздникъ сначала былъ совершаемъ на другой день Пасхи. Но окончательное установленіе этого праздника, въ военныиъши немъ видѣ, относится къ 7 вѣку. Въ царствованіе греческаго императора Фоки, Хозрой царь персидскій (въ 614 г.), устремившійся на Восточную Римскую Имперію, и подъявъ предлогу мести за насильственную смерть благодѣтеля своего, императора Маврикія, овладѣвъ Іерусалимомъ, при содѣйствіи древнихъ враговъ креста Христова — иудеевъ, захватилъ въ плѣнъ не только патріарха Захарію, но и самое животворящее древо, похитилъ съ мѣстѣ съ прочими сокровищами Храма. Не довольствуясь этимъ, знаменитый побѣдитель распространилъ по своей губительной завоеваній въ Восточной Имперіи и грозилъ истребленіемъ не только Имперіи, но и всему христіанству, увѣряя, что солнце не пообѣтитъ аметча видѣть хъ морь, а пока христіанскій міръ не встретится и добѣ Христа, и не поклонится божеству въ символѣ солнца. Христіане то сильно скорбѣли, а по случаю военныхъ успѣховъ Хозроя, осаждающаго уже самый Константинополь, отливъ особенности были безутѣшны, линась истиннаго креста Христова. Къ счастью, поклонникъ солнца не посмѣнулъ ни на уничтоженіи ни на уничтоженіи его, такъ точно какъ въ когда филистимляне не осмѣлились посягнуть на неприкосновенность кивота завѣда, иль

ценнаго ими креста Христовъ хранился въ сокровищницѣ царской, и въскорѣ слышъ Хозроя вынужденъ быть побѣдами преемника Фоки, императора Ираклія, къ возвращенію сего. Императоръ Ираклій, съ самаго вступленія на престолъ, употребилъ всѣ средства къ сопротивленію персамъ. Сначала (въ 622 г.) Ираклій отвлекъ непріятели отъ столицы, перенесъ само войну хоза Тавръ, поразилъ персовъ при Иссы и заключилъ союзъ съ хозарами, принудивъ Хозроя защищать собственныя его границы; авары, его союзники, были разбиты подъ стѣнами Константинополя; потерянные города и области быстро начали возвращаться и новая побѣда при Мосулѣ отворила войску подъ предводительствомъ самаго императора путь къ Ктезифону. Къ довершенію бѣдствія персовъ, въ государствѣ ихъ возникли внутреннія смуты. Сынъ Хозроя Сирой возсталъ противъ отца, свергъ его съ престола, лишилъ свободы и наконецъ жизни. Императоръ Ираклій въ 622 году и заключилъ съ этимъ Сироемъ миръ, который обезпечилъ имперіи прежнюю свободу и независимость и совершенное торжество христіанству. Благодетельный кесарь первымъ условіемъ мира поставилъ возвращеніе святаго креста изъ уничтожительнаго плѣна, въ который сопровождало его множество христіанъ, вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Захаріею. Съ чувствомъ глубокаго, благоговѣйнаго смиренія встрѣтилъ императоръ это знамя вѣры и спасенія, принялъ животворящее древо на свои рамена и, сложивъ всѣ знаки императорскаго величія плѣшій въ простой одеждѣ съ необуевными ногами, внесъ это побѣдное знамя христіанства въ обновленный храмъ, проба Гресподня и положилъ его на то самое мѣсто, откуда оно взято было. Хозроемъ, за 14 дѣтъ предъ тѣмъ, къ живѣйшей радости торжествующихъ вѣрныхъ горько сѣтовавшихъ о плѣненіи его невѣрными. Въ храмѣ крестъ былъ снова воздвигаемъ, то есть возносимъ, подъемлемъ руками патріарха, чтобы всѣ могли насладиться зрѣніемъ возвращеннаго сокровища, подобно тому, какъ это было при первоначальномъ его обрѣтеніи. Такъ какъ возвра-

щеніе Креста изъ Персіи въ Іерусалимъ и внесеніе его въ храмъ было 14 сентября, то въ память этого событія и постановлено въ этотъ день повсюду праздновать „Воздвиженіе Животворящаго Креста“. Для возвышенія благоговѣнія къ этой святыне Заповѣданъ былъ постъ, который и до нынѣ составляетъ необходимую принадлежность праздника. Таково происхожденіе нынѣшняго праздника всемірнаго Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

О сколько назиданія и утѣшенія для насъ заключается въ воспоминаніи нами событія! Крестъ Христовъ хотя болѣе трехъ вѣковъ сокрытъ былъ въ землѣ, но не истлѣлъ. Напрасно язычники и іудеи употребляли все мѣры къ удержанію его во мракѣ и неизвѣстности, дабы тѣмъ удобнѣе привести въ забвеніе распятаго Господа. Видимое уничтоженіе животворящаго креста, на которомъ Онь, Агнецъ Божій, вознесъ Себя за грѣхи міра, кончилось. Распятый, бывшій долгое время предметомъ посмѣянія и іудеевъ и язычнковъ, въ крестѣ своемъ проявилъ намъ безконечное величіе и силу истинно Божественную и вознесъ его изъ нѣдръ земли во славу на высоту царственную. Такъ церковь Христова, хотя бы враги ада возстали противъ нея, всегда будетъ торжествовать надъ врагами своими; такъ и всякая добродѣтель не лишится мзды своей, но въ свое время будетъ признана и увѣнчана наградою. Посему въ воздвиженіи креста Господня мы должны видѣть урокъ спасительнаго самоотверженія и несенія креста своего, тяжкаго въ началѣ, но блаженнаго въ послѣдствіи. Каждый изъ насъ, если онъ только не напрасно поситъ на себѣ высокое званіе христіанина, имѣетъ свой крестъ, на комъ онъ долженъ распинать грѣховную плоть свою съ ея страстями и похотями. Крестъ сей долженъ состоять въ благодушномъ перенесеніи недостатковъ падшей природы нашей и бѣдствій естественныхъ, въ борьбѣ съ общою всѣмъ намъ склонностію ко злу и съ соблазнами міра, въ исправленіи, при содѣйствіи благодати, злато сердца и въ обновленіи силъ души и духа. Пусть

въ жизни и во всемъ поведеніи нашемъ (возвѣщается добродѣ-
лями нашими великій Крестоносецъ, и по безконечной любви Своей,
положивши за насъ душу Свою и подаровавши намъ вѣтъ безкон-
ченція духовныхъ блага, за которые имя Его славится и будетъ
славимо во всю вѣчность всеми колѣнами небесныхъ, и земныхъ и
преисподнихъ. Разказываютъ, что одинъ человекъ посвятилъ се-
бя на служеніе Богу, въ тотъ день, когда случайно остановился
предъ изображеніемъ распятаго Господа Иисуса, и увидающаго на
крестѣ, и съ надписью внизу: «о, вотъ что Я сдѣлалъ для тебя, а
ты что сдѣлалъ для Меня?» «Извѣстно намъ и другое чудное
дѣйствіе креста на обращеніе Маріи Египетской, дѣвушечка, удо-
стоившись поклониться кресту Господню, и воспріяла отъ него бла-
годать и твердость, и удалилась отъ соблазновъ міра въ пустыню
и начала подвиги благочестія, и много подвиговъ соверши
будемъ и мы побѣднымъ и спасительнымъ знаменіемъ креста
побѣждать все, противное вѣрѣ и благочестію, враговъ и внутрен-
нихъ — свои страсти, и всехъ видимыхъ и невидимыхъ — всю си-
лу врагій. Будемъ съ радостію и благоговѣніемъ знаменоватъ
святѣмъ крестомъ себя и окрестъ себя, при всякомъ благомъ дѣ-
лѣ и начинаніи, и сходи, и возлега, и возста, и памятуя о вели-
кихъ благодѣяніяхъ, и явленныхъ силую креста. Но въ особенности
будемъ чаще призывать на помощь своими усердными молитвами
Христа Распятаго, чтобы Онъ далъ намъ словомъ и дѣломъ
прославлять и почитать честный и животворящій крестъ Его,
силу и рѣшимость пѣть и ощущать въ своей жизни то, что вос-
пѣваетъ нынѣ св. церковь: „величаемъ Тя, Живодавче Христе,
и чтемъ крестъ Твой святой, имъ же насъ спаслъ еси отъ ра-
боты врагій!“ Аминь.

Нравственная философія утилитаризма.

(Окончаніе).

II.

Въ критической части своего изслѣдованія г. Мальцевъ на-
рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи нравственнаго чувства и чув-

ства справедливости; б) подвергает критической оцѣнкѣ ученіе о принципахъ или критеріи утилитарной нравственности; в) доказательствъ явилось санкціяхъ утилитаризма; и, наконецъ г) доказываетъ отношеніе утилитарной нравственности къ нравственному ученію христіанства.

14. **Разборъ утилитарнаго ученія о происхожденіи нравственнаго чувства и чувства справедливости.** — Всѣ утилитаристы стараются отрицать первоначальность или природенность нравственнаго чувства, объясняя происхожденіе его изъ впечатлѣній и воспроизведенія ихъ или идей. Основнымъ свойствомъ человѣческой природы утилитаристы признаютъ стремленіе къ *счастію*, стремленіе, не заключающее въ себѣ первоначально ни чего нравственнаго. Нравственный же характеръ это стремленіе получаетъ въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ соціальной жизни, и такъ какъ были иныя общественныя условія, словомъ — подъ вліяніемъ инстинкта общительности. Но подобное объясненіе происхожденія нравственнаго чувства нельзя признать состоятельнымъ. Инстинктъ общительности вообще истиненъ и не заключаетъ въ себѣ ничего нравственнаго, хотя бы онъ исключалъ всякій расчетъ. Если дитя радуется, чувствуя себя въ обществѣ другихъ, и плачетъ, когда остается одно; если чловѣкъ, удаленный отъ общества, себѣ подобныхъ, страдаетъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что они необходимо любятъ тѣхъ, общества которыхъ ищутъ. Общительность, слѣдовательно, практикуется въ *личныхъ, эгоистическихъ* интересахъ каждаго и коль скоро обнаружилось бы, что эти интересы не вполнѣ удовлетворяются, то чувство общительности немедленно потеряло бы свою почву. Вотъ почему самъ Милль признаетъ недостаточность чувства общительности, какъ основанія нравственности, и, для восполненія его, обращается къ вліянію *благоразумія, симпатіи и другихъ чувствованій*. Но и эти факторы не объясняютъ происхожденія нравственнаго чувства. Что касается, во-первыхъ, *благоразумія*, то во-вторыхъ, возможно совершеніе нравственнаго дѣйствія и безъ него. Въ возвышенныхъ

проявленіяхъ добродѣтели, и въ подвигахъ самопожертвованія, благо-
 разуміе; и повидимому, не только не находитъ себѣ мѣста, но да-
 же является не рѣдко препятствіемъ и умаляетъ цѣну поступка,
 потому что вноситъ въ добродѣйствіе элементъ расчета. И точно такъ-
 же, во-вторыхъ, она *симпатія* не можетъ служить основаніемъ
 нравственности, и потому что хотя это чувство и сопровождается
 страданіемъ, и жертвуютъ для лица, а симпатизирующаго, но однако оно
 можетъ быть для него и источникомъ удовольствія, хотя и не
 прямымъ, следовательно, до низвѣстной степени *симпатія* не чуж-
 да эгоистическаго характера. Но и разсматриваемая независимо
 отъ этого, *симпатія* не всегда можетъ имѣть нравственный ха-
 рактеръ, который зависитъ отъ того, на что именно человекъ
 направляетъ свою симпатію. Не обнаруживаясь почти повсе-
 у civilized расы въ періодъ ихъ исторической дѣятельности (Спенсеръ)
 и обнаруживаясь въ весьма ослабевъ послѣдующіе періоды цивилиза-
 ціи, *симпатія* ограничивается вообще весьма тѣснымъ кружкомъ
 лицъ, рѣдко простираясь за предѣлы семьи, племені или націи.
 Кроме того, *симпатія* постоянно обуславливается какъ умствен-
 нымъ развитіемъ личности, такъ и вліяніемъ воспитанія, условій
 жизни, среди и прочя отъ чего она можетъ и не возникнуть.
 Вотъ почему некоторые утилитаристы, сознавая условность ве-
 льнейшаго благоумія и *симпатіи*, и думали было основаніемъ нрав-
 ственнаго чувства признать существующіе законы, побуждающіе
 къ совершенію нравственныхъ дѣйствій *страхомъ наказанія*
 (Вэнъ). Но съ этой точки зрѣнія оказываются совершенно необъ-
 ясными факты нарушенія закона твоимъ нравственнымъ чувствомъ.
 Очевидно, что обнаруженные законы сами возникаютъ изъ нрав-
 ственнаго чувства, и потому ни одно не могутъ быть въ причину его.
 Сознавая недостаточность подобнаго объясненія, Спенсеръ думалъ
 было признать нравственное чувство продуктомъ историческаго
 развитія духовной жизни человѣчества, передаваемымъ путемъ на-
 слѣдственности отъ предшествующихъ поколѣній послѣдующимъ.
 Но подобнымъ мнѣніемъ вовсе не объясняется того, какимъ обра-
 зомъ

зомъ понятія о полезномъ могли перейти потомъ одъ въ понятія о нравственно-обязательномъ и справедливомъ? Всеми извѣстно, что понятія о справедливости и честности весьма трудно мирятся съ понятіями о выгодѣ, о пользѣ или о удовольствіи, такъ что было бы весьма затруднительно (если только возможно) объяснить ими возникновеніе и развитіе нравственныхъ чувствъ и соответствующихъ имъ понятій. Если бы даже и допустить, что практика въ развитіи честности, и любви къ справедливости могла быть полезна для племени, обладавшаго этими качествами, то эта полезность совершенно не объясняла бы намъ той святости, которая соединяется съ нравственными дѣйствіями и дѣлаетъ ихъ безусловно обязательными. Намъ только кажется, что эти нравственные чувства. Для объясненія перехода стремленій къ удовольствію и о пользѣ въ нравственное чувство утилитаристы указываютъ на законъ ассоціаціи, и въ силу котораго идеи могутъ получать въ которыя нибудь свойства, которыхъ до ассоціаціи онѣ не имѣли. Поэтому и добродѣтели, желаемая сначала въ качествѣ средства, ведущаго къ счастью, становится потомъ желательной и любимой сама по себѣ. Но если бы добродѣтель сначала представляла предметъ любви и стремленій только какъ средство къ счастью, то самымъ естественнымъ результатомъ такого дѣйствія ассоціаціи было бы постепенное ослабленіе, а затѣмъ и совершенное исчезновеніе самаго сознанія добродѣтели, какъ момента, неотличнаго отъ счастья. Кроме того, подобный взглядъ на происхожденіе нравственнаго чувства противорѣчитъ опыту, который свидѣтельствуетъ, (и что) если когда добродѣтель бываетъ неприятною, то именно вначалѣ, при ея возникновеніи, и это потому, что огути происходитъ не отъ избытка борьбы со всеми прежде искоренившимися чувственными привычками и инстинктами. Вообще великія нравственнаго чувства такъ мало имѣютъ общаго съ понятиемъ полезности, что если и можно говорить о участіи послѣднихъ въ процессѣ развитія нравственныхъ воззрѣній, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что эти опыты могли содѣйствовать развитію интеллекта до до той

ступени, на которой онъ могъ усвоить нѣчто высшее, чѣмъ сами эти опыты. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не допустить, что умъ въ своемъ постепенномъ развитіи, въ ряду съ опытами полезности, могъ принять какъ новую и отличную идею, такъ равно и тѣ чувства, которыя могли сопровождать ее? Такимъ образомъ, могла образоваться, охвъ видѣ закона нравственной жизни, новая идея, по отношенію къ которой въ удовольствіи и страданіи должны быть подчинены, а иногда и нужно, то и совсѣмъ принесены въ Нисертву. Изъ всего сказаннаго обнаруживается, во всѣхъ отношеніяхъ, несостоятельность того мнѣнія, по которому происхожденіе нравственнаго чувства объясняется изъ удовольствія и пользы, а вмѣстѣ съ этимъ открывается необходимость въ другомъ объясненіи, признающемъ первоначальность или прирожденность нравственнаго чувства человѣческому духу. Истинность этого послѣдняго объясненія доказывается фактами обнаруженія нравственнаго чувства.

Нравственному чувству принадлежитъ вообще *опытка*, на основаніи духовныхъ отпращиваній, *достоинства* человѣческой личности. Подобно чувству жизни физической, дающему намъ знать о такомъ или иномъ состояніи нашего организма (болень онъ или здоровъ, голоденъ или сытъ, холоденъ или тепелъ) и нравственное чувство свидѣтельствуетъ о хорошемъ и правильномъ настроеніи нашего духа и расширеніи его жизни, когда мы дѣлаемъ добро, и о разстройствѣ, стѣсненіи и страданіи, когда мы дѣлаемъ зло. Кромѣ непосредственности, показанія нравственнаго чувства отличаются еще *непроизвольностью*, т. е. устранить ихъ мы не можемъ иначе, какъ измѣнивши самый образъ дѣйствій согласно требованіямъ нравственнаго чувства. При этомъ, на первыхъ порахъ, нравственное чувство не заключаетъ въ себѣ теоретическаго элемента, который могъ бы быть передаваемъ другимъ въ видѣ убѣжденія. И только мало по малу, по мѣрѣ накопленія отдѣльных опытовъ, создается постоянная и опредѣленная нравственная мѣрка, вырабатываются извѣстныя нравственныя убѣжденія и пра-

вила, которыя и прилагаются ко всемъ вообще дѣйствіямъ чело-
вѣка. Таковы, въ общихъ чертахъ, обнаруженія нравственнаго
чувства. Представители утилитаризма (и эмпиризма), оспаривая
его врожденность, указываютъ на тотъ фактъ, что показанія
нравственнаго чувства въ разные времена и у различныхъ наро-
довъ отличаются крайнимъ разнообразіемъ, доходящимъ до про-
тивоположности. Отсюда дѣлаютъ тотъ выводъ, что нравственное
чувство есть *результатъ* воспитанія и другихъ условий, что
оно не *часть* нашей природы, а только *продуктъ* ея. Но это мнѣ-
ніе не различаетъ въ воспитаніи сторону естественную, состоящую
въ тѣхъ свойствахъ человѣческой природы (умъ, чувствахъ и т.
п.), которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать чело-
вѣкомъ, отъ стороны, вносимой или привнесенной воспитаніемъ, но
не составляющей части человѣческой природы (таковы, напр. лич-
ныя симпатіи и антипатіи и т. п.). Поэтому, всякій, кто пони-
маетъ воспитаніе въ смыслѣ *естественнаго* развитія и силъ чело-
вѣка, необходимо долженъ признать и прирожденность нравствен-
наго чувства, потому что, лишь благодаря этому послѣднему ус-
ловію, чело-вѣкъ является способнымъ воспитываться и развиваться
въ нравственномъ отношеніи. Пусть существуютъ отклоненія,
извращенія и различныя аномаліи въ области нравственности; все
это нисколько не даетъ основаній для того, чтобы отрицать суще-
ствование нравственной способности, какъ существованіе болѣзней
не отрицаетъ существованія здоровыхъ организмовъ, существованіе
уродливостей—правильнаго типа. Да и самыя различія въ обна-
руженіяхъ нравственнаго чувства вовсе не такъ велики, чтобы
на основаніи ихъ отрицать его врожденность ⁽¹⁾. Не смотря на

(1) Ближайшее изслѣдованіе причинъ тѣхъ или другихъ поступковъ, казущих-
ся безнравственными съ нашей точки зрѣнія, почти всегда обнаруживаетъ осо-
быя обстоятельства, могущія если не извинить, то въ значительной степени смяг-
чить характеръ поступка. Многие, напр. преступки, которые поражаютъ насъ свое-
ю жестокостію, были внушены тѣми же чувствами благожелательности и гуман-
ности, въ несоблюденіи которыхъ упрекаютъ ихъ виновниковъ, а въ другихъ
случаяхъ, единственнымъ заключеніемъ, къ которому можно придти, будетъ то,
что тогдашній масштабъ гуманности былъ не развитъ еще до такой степени, на
которую онъ сталъ въ позднѣйшее время. (Такъ, напр. убійство слабыхъ и пре-
старѣлыхъ почиталось у дикарей дѣломъ состраданія не только самимъ убійцею,
но и жертвою его и т. п.)

то, что обнаруженія нравственности, въ различныхъ эпохи историческаго развитія человѣчества, въ частности арѣзко различались, въ общемъ, при совершеніи каждаго отдѣльнаго случая, и всегда признавалось добродѣтельнымъ одно и то же *направленіе*. Наконецъ, и если бы даже было доказано, что существуетъ такое состояніе въ духовной жизни человѣчества, въ которомъ совершенно отсутствуютъ нравственныя явленія, отовсюду въ такомъ случаѣ мы не вправе отрицать врожденность нравственнаго чувства, потому что оно можетъ существовать въ видѣ зародыша, рѣподобно древесному сѣмени, въ которомъ заключены основанія для того, чтобы въ послѣдствіи развиться въ дерево. Благодаря врожденнымъ задаткамъ къ нравственности индикардіи при благоприятныхъ обстоятельствахъ, способны стать высоко нравственнымъ человѣкомъ, тогда какъ въ животномъ царствѣ, при подобныхъ же условіяхъ, не бываетъ такого превращенія. Вотъ почему сами позднѣйшіе утилитаристы (напр. Спенсеръ) явса болѣе или болѣе склоняются къ признанію врожденности нравственнаго чувства. Нравственное чувство, по этому воззрѣнію, имѣетъ *опытное* происхожденіе для *расы*, для тѣхъ тысячлѣтій, которыя пережиты предками, но по отношенію къ отдѣльной личности оно стало теперь инстинктивнымъ, существующимъ въ немъ до его личныа опытовъ въ качествѣ зародыша или зерна, въ дальнѣйшее развитіе и ростъ котораго ввѣряется уже о вадѣйствио различныхъ вліяній, заключающихся въ воспитаніи, въ разнообразнѣйшихъ условіяхъ и опытахъ жизни.

Изъ того, сказано по происхожденіи нравственнаго чувства, сама собою слѣдуетъ выводъ въ пользу признанія врожденности *двухъ чувствъ: справедливости*. Безусловная императивность чувства справедливости совершенно несомѣстима съ тою условностію, которою отличаются правила житейскаго опыта, вытекающія изъ стремленія къ пользѣ и удовольствію. — Всякое проявленіе чувства справедливости служитъ выраженіемъ врожденной человѣческому духу идеи *дола*, составляющей основаніе *права* каждой лично-

сти на уваженіе и довѣріе со стороны другихъ, права, которому со стороны другихъ лицъ соответствуетъ обязанность его охраненія и уваженія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ чувство справедливости, служа выраженіемъ нравственной природы нашего духа, совершенно не можетъ быть выведено изъ стремленія къ пользѣ или удовольствію. **2. Критика основнаго принципа утилитарной нравственности.**— Для систематическаго построенія какого бы то ни было ученія необходимо, прежде всего, высшее руководительное начало или принципъ. Такимъ началомъ утилитаризмъ признаетъ, какъ известно, *счастье*, понимаемое въ смыслѣ „наивозможно болѣе суммъ удовольствій и наименѣе суммъ страданій“. Чтобы опредѣлить, насколько состоятеленъ утилитарный принципъ нравственности, необходимо подвергнуть изслѣдованію, прежде всего, понятіе удовольствія, въ качествѣ осуществленной основы счастья. (эти) Удовольствіе является началомъ жизни въ такой степени *неопредѣленнымъ* и *физическимъ*, что даже не допускаетъ какого нибудь точнаго опредѣленія, оно есть то, что мы лишь чувствуемъ и ощущаемъ, и въ этомъ чувствѣ или ощущеніи не существуетъ. Затѣмъ, нельзя указать никакихъ твердыхъ *принциповъ* или *условій*, необходимыхъ для возникновенія удовольствія. Одинаковыя внѣшнія причины могутъ дѣйствовать на различныхъ людей различно, смотря по ихъ возрасту, полу, темпераменту, состоянію здоровья, степени умственнаго развитія и т. п. Если мы присоединимъ сюда вліяніе воображенія, тайны или иной запасъ воспріятій, хранящихся въ памяти, онѣ различныя заботы, надежды и опасенія, то необходимо должны согласиться съ тѣмъ, что совокупность всѣхъ этихъ условій дѣлаетъ удовольствіе чувствомъ въ высшей степени *неопредѣленнымъ* (2). Эта неопредѣленность увеличивается еще болѣе отъ того, что не бываетъ по

(2) „Мужчина, пишетъ Паскаль, имѣетъ иныя удовольствія, чѣмъ женщина, богатый — иныя, чѣмъ обідный, князь, полководецъ, купецъ, крестьянинъ, старикъ и юноша, здоровый и больной, — каждый имѣютъ свои особые предметы удовольствія, далеко несходные между собою“.

природѣ удовольствій, вполнѣ *чистыхъ*, т. е. нѣтъ каждому удовольствію необходимо примѣшиваются элементы страданія. Вслѣдствіе такой неопредѣленной природы удовольствій, и въ самом труднѣе дать одну какую либо постоянную *мѣрку*, по которой различныя удовольствія могли бы быть сравниваемы и оцѣнваемы между собою въ *количественномъ отношеніи*. Даже когда рѣчь идетъ о бѣ ощущеніяхъ одного и того же порядка, и тогда сравненія можетъ быть только весьма несовершенное. Какъ же возможно сравнивать между собою удовольствія различнаго рода, а именно отдыхъ и упражненіе, ума и тѣло, проявленіе въ дѣятели, радость обнѣ открытіи научной истины, тѣ радость, испытываемой послѣ совершенія добраго дѣла? Такимъ образомъ, никакой мѣрки для оцѣнки удовольствій съ количественной стороны вовсе не показывается. Точно также утилитаризмъ не можетъ указать мѣрки для опредѣленія качества достоинства удовольствій. Превосходство однихъ удовольствій предъ другими, можно было бы узнать посредствомъ *личныхъ опытовъ*. Чтобы узнать все превосходство добродѣтели предъ порокомъ, нужно, идѣла въ атомъ кратерію, сдѣлать предварительный опытъ порока, и если принатомъ окажется перевѣсъ на сторонѣ добродѣтели, то и удовольствія послѣдней *качественно* выше удовольствій порока. Но кто же не видитъ крайней нелѣпости этого средства? Вотъ почему самъ Милль, въ случаяхъ нерѣшимости и колебанія относительно предпочтенія однихъ удовольствій другимъ, совѣтуетъ обращаться къ мнѣнію большинства людей компетентныхъ. Но подобный же съ большинствомъ не можетъ быть обязательнымъ, являясь потому что пріятное для другихъ можетъ быть не пріятнымъ для меня. Пріятное же какъ мнѣніе, такъ и компетентность другихъ, бывають условны, почему и не могутъ имѣть никакого отъ безусловно-обязательнаго значенія. Такимъ образомъ, взглядъ на удовольствіе съ точки зрѣнія утилитаризма совершенно не можетъ быть установленъ, что поэтому и понятие о счастьи, какъ о наибольшей суммѣ удовольствій, вполнѣ является крайнею *измѣчивостію* и *неопредѣленностію*.

б) Эта неопредѣленность основнаго начала утилитаризма обнаруживается еще яснѣе изъ критическаго разбора самаго понятія о счастьи. Позднѣйшій утилитаризмъ представляетъ самое широкое понятіе о счастьи, включая въ него не только идеи *добродѣтели* и *симпатіи*, но даже и *самопожертвованія*. Въмѣстѣ съ этимъ и принципъ счастья въ позднѣйшихъ утилитарныхъ системахъ всюду выступаетъ какъ принципъ *хорошото* (правильно) понятый или въ своемъ выполненіи обставляется какими-уловомями, а какъ умственное образованіе, и въ совершенствованные законы души и тѣла. Но всѣ эти моменты, расширяющіе понятіе о счастьи, не имѣютъ ничего общаго съ принципомъ утилитаризма. Такъ, Милль отличаетъ счастье отъ довольства. Последнее понимается имъ, какъ результатъ наиболѣе возможнаго удовлетворенія во всѣхъ желаніяхъ и потребностей челоука. Счастье же онъ полагаетъ въ удовлетвореніи болѣе высокнхъ стремленій и потребностей; въ слѣдовательно основаніемъ счастья является *чувство челоуческаго достоинства*. Это чувство, очевидно, является уже болѣе высшимъ критеріемъ нравственности, чѣмъ критерій счастья. Наслажденіе, это счастье, польза, могутъ быть инаше отечественный философъ — г. Соловьевъ, входятъ въ конечный мотивъ, или послѣднюю цѣль, во всѣхъ дѣйствіяхъ безразлично, какъ въ добрыхъ и праведныхъ, такъ въ равно дурныхъ или недолжныхъ, и слѣдовательно, если бы эти побужденія мотивы имѣли опредѣляющее нравственное значеніе, шето челоукъ, наслаждающійся мученіями другихъ, или находящій свое счастье и пользу въ эксплуатаціи и разрушеніи другихъ, дѣйствовалъ бы столь же нормально и нравственно, отъ какъ и тотъ, шето находитъ свое наслажденіе и счастье только въ благу во всѣхъ своихъ ближнихъ. Съ точки зрѣнія наслажденія, счастья, и пользы, оба одинаково правы, слѣдовательно, въ съетой точки зрѣнія во всѣхъ дѣйствіяхъ безразличны. — Отсюда утилитарная формула: шето дѣйствіе хорошо, шето которое вводитъ къ *счастью*, и могла бы быть выразена, такъ, шето только шето дѣйствіе хорошо, шето которое вводитъ къ счастью, но не всякому, а только *соасному* *челоуку*.

этической достоинствъ каждого. Но въ такомъ случаѣ принципъ счастья оказался бы подчиненнымъ иному, высшему принципу. — Кроме чувства собственного достоинства, новейшій утилитаризмъ включаетъ въ область стремлений къ счастью и стремленіе къ *добродѣтели*; но при этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, негудѣляетъ никакого значенія *мотивовъ* дѣятельности, сводя все къ достоинству поступковъ какъ къ однимъ лишь слѣдствіямъ (3). Такой взглядъ на добродѣтель, но очевидно, явленъ, потому что какою бы пользою ни сопровождалась добродѣтельная дѣятельность, мы не можемъ допустить, чтобы польза или счастье могли когда нибудь стать самими по себѣ добродѣтелями. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ, характеризующихъ понятіе добродѣтели, служить, свободное и, болѣе или менѣе, *постоянное внутреннее доброе настроеніе* чловѣка, выражающееся въ цѣломъ рядѣ соответствующихъ этому настроенію поступковъ. Въ оцѣнку добродѣтельныхъ поступковъ входитъ, такимъ образомъ, *намѣреніе* дѣйствующаго лица, *мотивъ* его дѣятельности. Утилитаризмъ же, оцѣнивая достоинство дѣйствій единственно по ихъ полезнымъ или вреднымъ послѣдствіямъ, въ тѣмъ самымъ оправдываетъ всякія средства, способныя вести къ достиженію известной цѣли. Такимъ образомъ, по своей природѣ добродѣтель чужда утилитаризму, и если позднѣйшіе представители этого направленія включаютъ ее въ составъ своего ученія, то поступаютъ совершенно произвольно. Далѣе, хотя современный утилитаризмъ старается включить въ свою область и *симпатію*, однако, нельзя не видѣть, что послѣдовательно и строго проводимое начало полезности по большей части всегда вело и ведетъ къ попеченію только о себѣ и своемъ собственномъ благосостояніи. Симпатія, по самой своей природѣ, совершенно чужда какиихъ бы то ни было расчетовъ и соображеній о тѣхъ или другихъ послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ симпатическаго дѣйствія. Она есть выраженіе внут-

(3) „Тотъ, кто вытаскиваетъ утопающаго изъ воды, говоритъ Милль, поступаетъ нравственно хорошо, по какому бы мѣтиву онъ ни дѣйствовалъ, по чувству ли долга, или ради ожидаемой награды“.

ренняго, нервѣдко совершенно *безцѣннаго* и совершенно *безжорыстнаго расположенія* или *влеченія* къ известному лицу или дѣйствию. Между тѣмъ дѣятельность твоего имени принципа утилитаризма всегда должна быть осмыслена, строго разсчитана въ виду известной цѣли, наибольшаго увеличенія суммы частнаго ли то, или общаго счастья“. Само собою понятно, что если бы симпатія оказалась недостаточною для достиженія известной доли счастья или пользы, то она потеряла бы для утилитаризма всякое значеніе. Еще менѣе свойствененъ утилитаризму принципъ *самоотверженія*, потому что человекъ, жертвующій для общаго блага своимъ счастьемъ и такимъ образомъ твоего имени принципа счастья лишаящийся, тѣмъ самымъ представлялъ бы въ себѣ фактическое отреченіе отъ основнаго принципа утилитаризма. Наконецъ, что касается *умственнаго образованія*, *и усовершенствованныхъ законовъ* и т. п. условій, при которыхъ принципъ утилитаризма долженъ будто бы имѣть нравственное достоинство, то подобный разсчетъ далеко не всегда оказывается вѣрнымъ, и потому что какъ бы далеко ни распространилось умственное образованіе, оно не исключало бы для людей возможности слѣдовать естественнымъ влеченіемъ пользы или грубо понимаемаго счастья⁽⁴⁾. Но, что самое главное, требованія умственнаго образованія, и усовершенствованныхъ законовъ и т. п. на самомъ дѣлѣ вовсе не вытекаютъ изъ содержанія самаго утилитарнаго принципа, такъ что мы можемъ создать изъ нихъ особую, самостоятельную систему, не принимая самаго принципа утилитаризма — стремленія къ счастью. Итакъ, то расширеніе утилитарнаго принципа, которое стараются сообщить ему его позднѣйшіе представители, не имѣетъ никакого основанія въ самомъ принципѣ и свидѣтельствуетъ лишь о не самостоятельности его, какъ начала нравственной жизни.

в) Будучи въ самыхъ лучшихъ своихъ требованіяхъ несамосто-

(4) Таковы, напр. былъ Бэконъ, въ которомъ высокое умственное развитіе уже валось съ нѣкоторыми, далеко не нравственными, качествами важны, вичотичества и т. п.

ательнымъ, принципъ утилитаризма не имѣеть и той ясности, которою необходимо долженъ отличаться всякій истинный принципъ нравственной жизни. Правда, понимаемый въ его прямомъ и непосредственномъ смыслѣ, принципъ утилитаризма даже слишкомъ простъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, взятый въ тѣхъ широкихъ и идеальныхъ требованіяхъ, которыя заимствованы имъ изъ другихъ нравственныхъ системъ, утилитаризмъ настолько труденъ, что можетъ быть достояніемъ лишь развѣ самаго незначительнаго меньшинства. Сами представители утилитаризма сознаются, что осуществленіе этого принципа требуетъ *всеобщія* (Спенсеръ). Вотъ почему, сознавая безсиліе опыта — опредѣлить благодѣтельныя или вредныя послѣдствія извѣстныхъ поступковъ, необходимыхъ для достиженія общаго счастья, Милль совѣтуетъ каждому заботиться лишь о своемъ счастьи и счастья лишь близкихъ, чрезъ что будетъ увеличиваться самъ собой и итогъ общаго счастья. Но, постепенно ограничивая и суживая понятіе о счастьи, какъ о цѣли жизни, Милль въ концѣ концовъ доходитъ почти до отрицанія счастья. Жить безъ счастья можно, заключаетъ Милль, такъ живетъ въ настоящее время, даже въ странахъ наименѣе варварскихъ, цѣлыхъ $\frac{19}{20}$ человѣчества.

3. Критика доказательствъ и саницій утилитарнаго принципа. — Доказательства, приводимыя утилитаризмомъ въ пользу того мнѣнія, что счастье есть начало нравственной жизни, все основаны на неправильныхъ умозаключеніяхъ. Согласитесь, говоритъ Милль, что *каждый* человѣкъ *желаетъ* счастья, и что онъ собственно ничего иного и не желаетъ, какъ только счастья. А если такъ, то счастье составляетъ *единственную* цѣль человѣческихъ поступковъ и степень достигаемаго поступками счастья есть *мирило* для ихъ оцѣнки, а слѣдовательно и *критеріумъ* нравственности. Но если человѣку на самомъ дѣлѣ свойственно желать счастья, то отсюда еще не слѣдуетъ, что одного счастья онъ только и долженъ желать; между тѣмъ, что *желается*, и тѣмъ, что *должно* быть желаемо, есть, особенно по отношению къ

этихъ, весьма существенное различіе. Утилитаризмъ принимаетъ во вниманіе только одну сторону человѣческой природы — стремленіе къ счастью, оставляя безъ изслѣдованія другія, не менѣе, если только не болѣе важныя и сильныя потребности человѣческой природы. „Истинная цѣль стремленій человѣка, говоритъ Гумбольдтъ, не есть та цѣль, которую указываютъ измѣняющіяся влеченія, но которую предписываетъ ему вѣчный и неизмѣнный разумъ и которая состоитъ въ высшемъ гармоническомъ развитіи всѣхъ силъ человѣка въ одно полное и прочное цѣло“. Такою цѣлю должно быть то, что, говоря словами Канта, — „возвышается надъ всякою цѣлю, т. е. *достоинство* человѣка“. Эту цѣль жизни, въ противоположность своему основному принципу, признаютъ и въ томъ, что, говоря словами Милля, „достаточно наслажденій для приданія ей обаятельной силы, если мы беремъ ихъ мимоходомъ, не придавая имъ значенія главной цѣли нашего существованія. Придайте имъ такое значеніе и они окажутся недостаточными и не выдержатъ строгаго анализа. Единственная возможность достигнуть счастья заключается въ томъ, чтобы считать не счастье, а что либо другое цѣлью жизни“. Милль не говоритъ, какая это другая цѣль, но несомнѣнно, что эта цѣль болѣе высокая и идеальная, чѣмъ удовольствіе, — цѣль, удовлетворяющая исконной потребности человѣка — стремиться къ усовершенствованію.

Будучи несостоятельнымъ въ доказательствахъ своего основнаго принципа, утилитаризмъ обнаруживаетъ такую же несостоятельность и въ ученіи о санкціяхъ. Санкціями называются тѣ основанія, которыя дѣлаютъ выполненіе нравственнаго принципа *обязательнымъ*. Санкціонировать нравственный принципъ — значитъ узаконить его и сдѣлать неисполненіе его нравственно невозможнымъ. Если же принципомъ утилитарной нравственности признается естественное стремленіе къ счастью, то о санкціяхъ въ утилитаризмъ не можетъ быть и рѣчи, потому что всякая попытка такъ или иначе санкціонировать стремленіе къ счастью, вмѣнить

его каждому въ священную обязанность, и когда это стремленіе и безъ того (по предположенію утилитаризма) есть безспорный и самоочевидный фактъ, является дѣломъ совершенно безцѣльнымъ. Разсматриваемыя же какъ данныя, или существующія, эти санкціи совершенно не могутъ придать чѣмъ или другимъ требованіямъ нравственности характера императивности (безусловной обязательности). Всѣ нравственныя требованія являются въ утилитаризмѣ обязательными настолько, насколько оказываются въ зависимости отъ воспитанія, до среды, условій социальной жизни, влияния авторитета и проч. Но обязательность нравственныхъ требованій, зависящая отъ указанныхъ условій, всегда можетъ быть только относительною, и потому что ни авторитетъ, всегда оспариваемый временемъ, ни важность общественной пользы, понимаемой весьма различно, не могутъ сообщить требованіямъ утилитаризма характера безусловной обязательности. Вотъ почему утилитаризмъ, для приданія большей обязательности своимъ требованіямъ, обращается въ концѣ концовъ къ голосу религіозной санкціи на томъ основаніи, что, такъ какъ счастье человечества есть конечная цѣль Божества, и вѣдѣвшаяся оимъ тѣмъ виду, что при самомъ актѣ творенія, то люди, вѣрующіе въ благость Божию, необходимо должны вѣрить и тому, что Богъ одобряетъ ихъ принципъ. Но такое включеніе религіозной санкціи въ нравственную систему утилитаризма совершенно неумѣстно, потому что Божество, обладавъ всевѣденіемъ, знаетъ всѣ условія человеческого счастья, и человекъ же съ своимъ ограниченнымъ знаніемъ можетъ принимать нѣкоторыя условія за всю полноту ихъ. Кроме того, желаніе сообразовать свое стремленіе къ счастью съ волею Божества, помимо собственнаго чувства долга, можетъ быть очень опасно на практикѣ. Сколько зла и потоковъ крови было прикрываемо знаменемъ служенія намъреніямъ Божества! Страницы исторій, какъ нельзя болѣе живо и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ. Начиная съ кровавыхъ человеческихъ жертвъ, и поражающихъ своею дикою жестокостію и кончая утонченными видами инквизиціи, всѣ

эти и подобныя имъ дѣйствія были запечатлѣны, какъ извѣстно, высокою идеею служенія Божеству. При томъ же, загробное блаженство, общающееся религіей, есть предметъ *вѣры*, а не опыта; слѣдовательно, совершенно несовмѣстимо съ такъ экспериментальнымъ методомъ утилитаризма. Такимъ образомъ, религіозная санкція совершенно не можетъ имѣть мѣста въ утилитаризмѣ, но сама по себѣ существованію этого направленія, не въ чемъ бы заключалась его главная недостаточность, потому что всякая нравственная система, претендующая на истинность, необходимо должна основываться на Богооткровенной религіи. Въ этихъ видахъ заключительная часть разсмотрѣнной главы посвящается обстоятельному разрѣшенію вопроса объ отношеніи между религіей и нравственностію (стр. 318—326).

4. Нравственность утилитаризма въ ея отношеніи къ христіанской нравственности.— Новѣйшіе утилитаристы видятъ въ ученіи Христа Спасителя идеальнѣйшій идеалъ утилитарной нравственности. И действительно, будучи по характеру своему универсальнымъ ученіемъ, нравственное ученіе христіанства необходимо охватываетъ своимъ содержаніемъ всю природу человѣка, доводя до свѣта самыхъ разнообразнѣйшихъ и мельчайшихъ ея проявленій. Не мудрено, что въ некоторыхъ пунктахъ христіанство сходится съ утилитаризмомъ; но, при сходствѣ въ частностяхъ, между христіанствомъ и утилитаризмомъ необходимо привнати существенное различіе. Главнымъ началомъ христіанской нравственности является любовь къ Богу, ближнимъ и, наконецъ, къ себѣ самому. Съ особенною обстоятельностью великое значеніе христіанскаго начала любви выяснено въ посланіяхъ св. апостола Павла (см. I Кор. XIII гл. 1—7). Началомъ любви должны быть и проникнуты не только все дѣйствія человека, но и все *желанія* и *намысленія*. Дѣятельность же, основываемая на утилитарномъ принципѣ, всегда происходитъ по мотивамъ *эгоизма*. Добродѣтель, честность, справедливость и т. п. являются желательными въ

утилитаризмъ не сами по себѣ, а лишь только какъ средства, ведущія къ счастью. Даже въ самыхъ высокихъ подвигахъ самопожертвованія безкорыстнымъ мотивамъ совершенно не отдѣляется никакого мѣста. Таково общее различіе между христіанствомъ и утилитаризмомъ.

Основное начало христіанской нравственности, въ частности, обнаруживается въ идеяхъ *добродѣтели* и *долга*. Что касается двухъ первыхъ идей, то ни та, ни другая, по самой природѣ своей, не имѣютъ мѣста въ утилитаризмѣ. Не признавая никакого значенія за мотивами дѣятельности, утилитаризмъ тѣмъ самымъ допускаетъ полное безразличіе средствъ въ достиженіи той или другой цѣли. Точно также и идею долга утилитаризмъ лишаетъ всякой самостоятельности, поставляя ее въ подчиненное отношеніе къ началу полезности. Не таково положеніе этихъ идей въ христіанскомъ правоученіи. Последнее, признавая главное значеніе за мотивами дѣятельности, тѣмъ за болѣе или менѣе прочнымъ нравственнымъ настроеніемъ чловѣка, включаетъ въ себя идею добродѣтели всецѣло, сохраняетъ ее истинную природу и отводитъ ей требованіямъ главное мѣсто — въ области нравственныхъ предписаній. Точно также христіанская любовь, будучи по существу своему не отдѣлима отъ сознанія высокаго достоинства чловѣка, должна выражаться какъ требованіе долга всякій разъ, когда встрѣчается для себя или внутреннее или внѣшнее препятствіе въ мотивахъ, унижающихъ чловѣческое достоинство. Такимъ образомъ въ ученіи о добродѣтели и долгѣ, между христіанствомъ и утилитаризмомъ нѣтъ никакого сходства. Только христіанское ученіе о *благѣ*, повидимому совпадаетъ съ утилитаризмомъ. Въ дѣятельность во имя начала любви, которая сама по себѣ есть уже благо, счастье чловѣческаго сердца, можетъ и даже должна всецѣло входить дѣятельность на пользу ближнихъ, забота и попеченіе объ ихъ счастіи. Однако и въ этомъ пунктѣ нельзя не замѣтить существеннаго различія между христіанствомъ и утилитаризмомъ.

а) Не отрицая счастья, могущаго простирается не только на духовную, но и на матеріальную жизнь чловѣка, христіанство безусловно осуждаетъ ту нравственную дѣятельность, которая вытекаетъ изъ своекорыстнаго стремленія къ достиженію счастья. Всѣ поступки чловѣка приобрѣтають нравственное достоинство только тогда, когда возникаютъ изъ глубокаго нравственнаго настроенія и имѣють въполнѣ безкорыстный характеръ. Истинное свойство любви, какъ начала христіанской нравственности, въ томъ и состоитъ, что она не допускаетъ расчета и какихъ либо утилитарныхъ эгоистическихъ соображеній (Мѡ. VI. 3). — б) Тогда какъ утилитаристы въ своемъ стремленіи къ, наибольшему счастью для наибольшаго числа людей, имѣють въ виду главнымъ образомъ сокращеніе *физическихъ бѣдствій* и *матеріальныхъ* нуждъ, христіанство заповѣдуетъ заботиться, прежде всего, о томъ, безъ чего невозможно никакое истинное счастье, т. е. о просвѣщеніи и усовершенствованіи *души* (Мѡ. XVI. 26). „Счастье Христово, какъ прекрасно говоритъ Фарраръ, есть богатство въ бѣдности, величіе въ слабости, высокое блаженство въ трудахъ и бѣдствіяхъ“ — в) Заповѣдуя попеченіе о душѣ считать высшимъ благомъ, христіанство тѣмъ же взглядомъ заповѣдуетъ руководиться и въ дѣлахъ *благотворительности*. Христіанинъ будетъ, поэтому, содѣйствовать не всякому счастью ближняго, а только такому, которое сообразно, или, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ высшей идеѣ попеченія о душѣ ближняго. Руководясь этимъ началомъ, „глубокочеловѣколюбивый чловѣкъ, можетъ, говорить авторъ сочиненія *Ессе homo*, дойти до того, чтобы пожелать печали для своего ближняго“. Счастье, допускаемое христіанствомъ, есть, такимъ образомъ, счастье *нравственное*, лучшее точнѣе быть названо *блаженствомъ*, въ отличіе отъ понятія счастья, въ смыслѣ удовольствія. И тогда — какъ въ утилитаризмѣ счастье составляетъ все — и мотивъ дѣятельности, и его вѣчную цѣль, въ христіанствѣ оно есть лишь *слѣдствіе* нравственно-добродѣтельной жизни, возможный спутникъ ея — и только;

мотивомъ же христіанской дѣятельности служить всеильное начало любви.

Но не служить ли признакомъ слабости нравственнаго христіанскаго закона то, что на его защиту и поддержку призываются чисто внѣшнія побужденія, въ видѣ наградъ и наказаній, какъ въ здѣшней, такъ и въ будущей жизни? Нисколько. Черезъ отношеніе къ счастью и наградамъ добродѣтель отнюдь не роняетъ своего достоинства, а только получаетъ большую силу и значеніе для лицъ, не окрѣпшихъ въ ней. Для воли, укрѣпившейся въ добрѣ, такихъ побужденій не существуетъ. Возлюбившій добро, какъ добро, страдаетъ ли, или благоденствуетъ, въ томъ и другомъ случаѣ приверженъ къ закону и исполняетъ его независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. „Существуютъ, говоритъ св. Василій Великій, три различныя распоряженія, въ которыхъ неизбѣжна необходимость послушанія: или боясь наказанія, уклоняемся отъ зла и бываетъ въ состоянн *рабскомъ*, или гоняясь за выгодами награды, исполняемъ повелѣнное ради собственной пользы и тѣмъ уподобляемся *наемникамъ*, или дѣлаемъ это ради самаго добра и изъ любви къ Давшему намъ законъ, радуясь, что удостоились служить столь славному и благому Богу;—и въ такомъ случаѣ имѣемъ *сыновнее* расположеніе“. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ побужденій для истиннаго христіанина остается преобладающимъ и имѣющимъ наибольшее значеніе, безспорно, мотивъ любви къ добру ради самаго добра, расположеніе къ Богу—искреннее и сыновнее, а не рабское и наемническое. Если же слово Божіе и указываетъ и на блаженства и мученія, то только для нравственно несовершенныхъ,—съ тою цѣлію, чтобы временнымъ страданіямъ, съ которыми соединено дѣло спасенія на землѣ, дать противовѣсъ въ надеждѣ на вѣчное блаженство, а временнымъ грѣховнымъ радостямъ, которыя искушаютъ спасаемаго, противопоставить ожиданіе вѣчныхъ мученій. Следовательно, награды и наказанія имѣютъ въ христіанствѣ только *воспитательное* значеніе.

Въ заключеніи разсмотрѣнной главы излагаются христіанскія заповѣди о милосердіи и прощеніи, которыхъ въ утилитаризмъ совершенно нѣтъ.

А. Гиллярскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. „УЧЕТНАЯ КОНТОРА“

Невскій проспектъ № 15 въ С.-Петербургѣ.

Получаетъ и продаетъ государственныя цѣнныя % бумаги, акціи, облигаціи золота и серебра.

Страхуетъ оба видярышныя займа по 50 к. вромѣ гербового сбора.

Выдаетъ ссуду подъ I и II видярышныя займы по 200 руб. и болѣе, подъ процѣн % бумаги отъ 10% до 20% ниже биржевой цѣны.

ПРИНИМАЕТЪ ПОРУЧЕНІЯ:

На покупку и продажу государственныхъ % бумагъ, а также акціи промышленныхъ обществъ и желѣзныхъ дорогъ; принимаетъ ихъ въ залогъ, допуска-уплачивать долгъ частями и за раце срока выкупа внесенныя деньги возвраща-етъ 5% годовыхъ.

На выкупъ заложенныхъ въ вѣдѣнныя банки или конторахъ % бумагъ для перезалога у себя увеличивая ссуду.

Безплатно выдаетъ справки о вышедшихъ въ тиражъ погашенія % бумагъ и дѣляетъ обменъ талоновъ I съ вни р. займа, а также и 5% Госуд. Банковыхъ Билетовъ I выпуска.

ПЛАТИТЬ:

По вкладамъ 6 мѣсяч. и годовымъ по 6%, до 3 л. 9%, свыше 3 л. по обо-юдному соглашенію; кромѣ того каждый вкладчикъ на основаніи § 6 Товарище-скаго договора, участвуетъ въ 20% ежегодно отчисляемыхъ изъ чистаго дохода Учетной Конторы, которые по окончаніи отчетнаго года, распределяются въ ди-видендъ между вкладчиками соразмѣрно ихъ вкладамъ и времени пребыванія оныхъ въ конторѣ.

Всякаго рода порученія исполняются аккуратно и немедленно.

ВЪ МАГАЗИНЪ Николая Иванова Смазнова въ Новочеркаскѣ вновь получены и продаются по самымъ выгоднымъ цѣнамъ различныя всевозможныя церковныя вещи серебряныя и накладныя, а также богослужебныя книги печати московской и кѣвской. Въ магазинѣ принимаются заказы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
большое ежедневное политическое и литературное издание

„НОВОСТИ“

И

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“

на 1881 годъ

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ

(Форматъ большихъ газетъ, 28 столбцовъ или около 4500 строкъ
убористаго шрифта въ номерѣ).

Подписная цѣна:

на 1 г. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.

Съ дост. въ С.-Петербургъ: 8 7 50 7 — 6 50 6 — 5 50 5 4 50 3 80 3 2 1

Съ пересылкою: 9 8 25 7 50 7 — 6 50 5 75 5 4 50 4 3 2 1

Подписывающіеся сразу на все послѣдніе мѣсяцы 1880 г. и на весь 1881 г.
платятъ за время: съ 1-го сентября 1880 г. по 1-е января 1882 г. е. за 16 мѣсяцевъ,
12 руб. 50 к., съ 1-го октября 1880 г. по 1-е января 1882 г., т. е. за 15
мѣсяцевъ 11 р. 50 к., съ 1-го ноября—10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 75 к.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ“
(Гороховая, 32).

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ безъ предварительной цензуры, ежедневно,
исключая понедѣльники, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными
праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней, если полу-
чаются важныя телеграммы.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило—
не оставляя ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ
современной всесторонней оцѣнки и освѣщенія и не помѣщать въ газетѣ ника-
кихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для боль-
шинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго ха-
рактера газета отдаетъ предпочтеніе тѣмъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія
какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя
ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ
свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномочен-
ныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ пере-
писки. Наконецъ, прочитавшіи внимательно даже одинъ или два номера газеты
можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей
въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать
оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе
выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что,
при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей
ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрики:
„Административныя“, „духовныя“, „дипломатическія“, „военныя“ и „морскія“
новости, „Русская Лѣтопись“, „Внутренняя Почта“ и т. д.), она имѣетъ возмож-
ность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критиче-
скому выбору и пріурочивать къ текущимъ, наиболее популярнымъ вопросамъ.
Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою „Русская Печать“. Редакція не только знако-
митъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати,
но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и обще-

ственной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою „Свѣтъ и Тѣнь“ наиболее выдающіяся явленія общегосударственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практический матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго быта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношений. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различнымъ классовъ („Справочный отдѣлъ“).

“ ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ МОСКВѢ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

“ РУСЬ ”

Съ 15 ноября настоящаго года предпринимаемъ мы изданіе еженедѣльной газеты подъ названіемъ „Русь“. Среди общаго, разнороднаго, довольно оживленнаго говора нашей печати найдется, думаемъ мы, мѣсто и нашему голобу. Никеподниевашемуся вѣтъ, кажется, надобности объяснять направленіе будущаго изданія. На это указываетъ и самое названіе, которое въ тоже время и наше знамя. Не изъ „патриотизма“, не изъ національнаго пристрастія выбрано оно нами: въ этомъ словѣ „Русь“ сосредоточень для насъ весь смыслъ той правды, которой такъ недостаетъ нашему изогавшемуся общественному бытѣ, по которой такъ тоскуеть, такъ истомился русскій человекъ. Странно устала наша земля отъ сочинительства, мудрованія, фальши, которая такъ долго, такъ властно гнула, муштровала, переиначивала ее на разные нужде лады и порядки. Вся нужда, вся задача наша теперь именно въ томъ, чтобы внести наконецъ правду въ русскую жизнь, чтобы возвратить ей свободу органическаго самороста, чтобы въ самомъ дѣлѣ Русь стала Русью.

Число цооборниковъ истины, въ наши дни, несомнѣнно увеличилось, но и ложь не упразднилась, а вступила лишь въ новый фазисъ. Вмѣсто прежняго наивно-огуднаго отрицанія русской народности происходить вольная и невольная подтасовка русскихъ народныхъ идеаловъ; вмѣсто прежняго переряживанія во французскій кафтанъ и пудру, становится возможенъ новый, едва ли не болѣе опасный маскарадъ: западныхъ доктринъ въ русскихъ историческихъ костюмахъ съ прическами à la moçjik, и т. д. Печальниковъ о русскомъ народѣ и „любителей“ расплдилось теперь не мало; но эти печальники, по выраженію поэта, за не-

многими исключениями, илануть лишь о народѣ, а не съ народомъ; эти любители, по большей части, не состоятъ съ нимъ въ общеніи мысли и духа и именно не любятъ того, что ему всего святѣй и дороже. Если же чему и сочувствуютъ въ немъ, то, опять таки, ради лишь усмотрѣнной ими аналогіи съ какимъ-либо патентованнымъ иностраннымъ идеаломъ, послѣ справокъ съ излюбленной заграничной доктриной и съ разрѣшенія чужаго авторитета. Въ тоже время значительная часть нашей „интеллигенціи“, съ важностью и самодовольствомъ разсѣвшись на лѣво и на право, „въ либералахъ“ и „въ консерваторахъ“, воображаетъ и величаетъ себя дѣйствительно интеллигенціей и совсемъ готовой, достойной представительницей русскаго народа!...

Либералы, консерваторы... Долго ли намъ тѣшиться этими вздорными, пошлыми, пустозвонными у насъ кличками? Истинно либеральна и консервативна у насъ только народная жизненная правда. О ней создалась, о ней одной лишь живетъ, движется и крѣпка Россія. Въ ней таятся сокровища нашего народнаго разума и духа; въ ней заложены нашей будущности—силы, мира, порядка и истинной своеобразной свободы.

Насущная современная потребность нашего общества, а вмѣстѣ и обязанность печати, какъ мы ее понимаемъ, это—эмансипація русскаго общественнаго сознанія отъ рабства, почти уже невольнаго, иностранцамъ міровоззрѣніямъ, ученіямъ, дѣриламъ; отъ отвлеченности, отъ доктринерства вообще—этого закоренѣлаго, историческаго нашего педута; такъ чудовищно развившася въ томъ безвоздушномъ пространствѣ, въ которомъ осуждена была витать русская мысль. Поменьше дерзкой надменности теоретическимъ знаніемъ, побольше смиренія предъ явленіями русской жизни!...

Призываемъ къ совѣстной работѣ всѣхъ бывшихъ сотрудниковъ нашихъ изданій и всѣхъ сочувствующихъ нашимъ словамъ. Особенно же просимъ мы голосовъ изъ провинціи, съ мѣста, котораго бы могли передать намъ, по ближайшимъ вопросамъ самоуправленія, настоящую, неподдѣльную народную мысль.

Форма еженедѣльной газеты признается обыкновенно неблагоприятною, такъ какъ не удовлетворяетъ потребности общества питаться какъ можно чаще свѣжими новостями. Но она имѣетъ и свои выгоды, потому что можетъ значительно облегчить трудъ

общественнаго сознанія, подводя итоги, хотя бы только за недѣлю, всему движенію общественной мысли, выразившемуся въ печати, равно всѣмъ событіямъ и видоизмѣненіямъ общественной и политической жизни, какъ у насъ, такъ и за границей.

Программа газеты „Русь“, которую мы постараемся выполнить по мѣрѣ силъ и возможности, слѣдующая:

1) Передовыя статьи и замѣтки; 2) Статьи по современнымъ текущимъ вопросамъ, общественнымъ, политическимъ, церковнымъ, экономическимъ и вообще научнымъ; 3) Еженедѣльные итоги: обзоръ внутренней жизни въ столицахъ и областяхъ; корреспонденціи извнутри Россіи;—политическое обзоръ, славянское обзоръ, корреспонденціи изъ-за границы.—Обзоръ газетъ и журналовъ; 4) Критика и библиографія; 5) Литературный отдѣлъ: стихи, рассказы, повѣсти, записки прошлыхъ лѣтъ, и т. п.; 6) Судебный отдѣлъ,—отчеты объ интереснѣйшихъ процессахъ; 7) Смѣсь: замѣтки и извѣстія; 8) Объявленія по особой таксѣ.

Газета будетъ выходить по субботамъ, въ размѣрѣ двухъ листовъ.

Подписавшіеся и позднѣе 15 ноября—получать всѣ №№ вышедшіе до подписки.

Цѣна за 12 мѣсяцевъ: безъ доставки и пересылки 7 р.; съ доставкою и пересылкою 8 рублей. Разрочка допускается лишь по особому соглашенію съ редакціей.

Подписка на „Русь“ принимается: въ Москвѣ: въ Конторѣ Редакціи у Никитскихъ воротъ, на Малой Никитской, близъ церкви Большаго Вознесенія; въ церковномъ домѣ; въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева и А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; М. О. Вольфа и Н. И. Мамонтова на Кузнецкомъ Мосту; А. А. Живарева на большой Дмитровкѣ; А. Н. Феропонтова и въ магазинахъ „Новаго Времени“ на Никольской. Въ Петербургѣ: въ конторахъ газеты „Русь“, книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ на Невскомъ Проспектѣ и М. О. Вольфа въ Гостиномъ дворѣ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Контору самой Редакціи, въ Москву.

Редакторъ-Издатель **Ив. Ансаковъ.**

ЕЖЕДНЕВНАЯ
политическая, общественная и литературная
ГАЗЕТА

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

съ особымъ еженедѣльнымъ приложеніемъ:

„СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1881 ГОДУ.

Въ будущемъ году „Современность“ будетъ издаваться въ томъ же направленіи, что и въ нынѣшнемъ году. Въ редакціи газеты будетъ принимать постоянное участіе отецъ мой, бывшій редакторъ газеты „Сынъ Отечества“, **А. В. Старчевскій**.

Цѣль газеты, главнѣйшее ея стремленіе — вносить въ русское общество, одни здравыя, положительныя начала, полезныя знанія, могущія содѣйствовать всестороннему и основательному развитію образованія въ среднемъ и низшемъ классахъ нашего общества, для которыхъ мы преимущественно и предназначаемъ нашу газету. Поэтому, кто хочетъ слѣдить за преуспѣваніемъ во всѣхъ сферахъ — политической, умственной, художественной, технической и общественной дѣятельности, тотъ найдетъ въ „Современности“ все, что его можетъ интересовать.

Газета „Современность“ *издается безъ предварительной цензуры.*

Въ будущемъ году „Современность“ будетъ выходить ежедневно.

„Семейное Чтеніе“ вовсе не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небогатымъ семействамъ матеріалъ для одного лишь легкаго чтенія и развлечения. „Семейное Чтеніе“ служитъ необходимымъ дополненіемъ газеты „Современность“ и предназначается для того класса общества, который не имѣетъ возможности подписываться на большую газету и въ тоже время на толетый журналъ, стоющіе вмѣстѣ болѣе 30 руб. сер.

Втеченіе двухлѣтняго изданія нами „Современности“, читатели могли убѣдиться, что цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобы „Современность“ служила на сколько это позволяеть объемъ ея

вѣрнымъ отраженіемъ лучшихъ взглядовъ и выводовъ нашихъ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету „Современность“ съ „Семейнымъ Чтеніемъ“ за годъ . . . . . 6 руб.

Съ пересылкою и доставкою на домъ . . . . . 7 »

Съ преміей (необязательной), состоящей изъ 6 олеографическихъ картинъ . . . . . 8 »

Выписка газеты въ долъ не допускается.

Подписка принимается въ редакціи газеты, въ С.-Петербургѣ, уголъ Ямской и Свѣчнаго переулка, домъ № 9-й, кв. № 18-й.

Редакторъ-издатель **А. А. Старчевскій.**

III годъ. Открыта подписка на 1881 годъ **III годъ.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Съ 1881 года журналъ „Иллюстрированный Міръ“ выходитъ еженедѣльно (52 №№ въ годъ) въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ (въ годъ болѣе 700 гравюръ). Въ каждомъ номерѣ журнала помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи, всемірное обозрѣніе, историческіе очерки, статьи популярно-научныя, новости наукъ, художествъ и жизни, политика, современная хроника Россіи, смѣль, шахматы, задачи, ребусы, игры и проч.

Всѣ подписчики получаютъ въ теченіе года:

ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,

разсылаемыхъ ежемесячно и состоящихъ изъ прекрасно-выполненныхъ копій съ лучшихъ художественныхъ произведеній. Эти преміи, отпечатанныя на хорошей толстой бумагѣ нѣсколькими красками, составятъ къ концу года богатый альбомъ, въ составленіемъ въ рамъ, могутъ служить украшеніемъ каждой гостиной.

Ежемесячно при журналѣ рассылаются бесплатно:

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Въ годъ: около 500 политипажныхъ рисунковъ моды дамскихъ и дѣтскихъ, взятыхъ изъ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ модныхъ журналовъ.—Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.—Болѣе 300 выкроекъ въ натуральную величину на 12 большихъ листахъ.—Значительное количество изящныхъ узоровъ по вапелъ, атласу и кожѣ шелками и бисеромъ.—Множество тамбур-

ныхъ и другихъ вязальныхъ работъ. — Разнообразныя бунвы-иниціалы для мѣтки бѣлья.

Каждый модный номеръ заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: Модный нумеръ, или обстоятельное обмѣрѣніе текущаго моднаго сезона. — Описание рисунковъ, помѣщаемыхъ въ номерѣ. — Хозяйство и кухня; здѣсь сообщаются практическія свѣдѣнія по всемъ отраслямъ хозяйства. — Совѣты и рецепты самые разнообразныя и полезныя. Кроме того, въ теченіе года будетъ помѣшенъ „Полный курсъ кройки и шитья бѣлья и платьевъ“, дающій возможность незнакомымъ съ правилами кройки на столько основательно изучить ее, чтобы примѣнять ко всевозможному росту и сложенію всѣ выкройки, разсылаемые при нашихъ модахъ.

Всѣ годовыя подписчики получаютъ главную большую премию роскошную олеографическую картину:

ГОСУДАРИ И ПРАВИТЕЛИ ВСЕГО СВѢТА.

Эта роскошная олеографія, исполненная двадцатью красками, ничѣмъ не отличается отъ маслянныхъ картинъ, писанныхъ на полотнѣ; величина ея: въ длину 1 аршинъ 1½ вершка, въ ширину 12 вершковъ. На картинѣ, представляющей прекрасно исполненную группу, изображены въ полный ростъ слѣдующія нынѣ царствующія особы:

Александръ II — императоръ Всероссийскій; Вилгельмъ I — императоръ Германскій; Францъ-Иосифъ — императоръ Австрійскій; Викторія — королева Англійская; Жюль-Греви — президентъ Французской Республлки; Гумбертъ I — король Италіанскій; Альфонсъ XII — король Испанскій; Леопольдъ I — король Бельгійскій; Христіанъ IX — король Датскій; Оскаръ II — король Шведскій и Норвежскій; Луисъ I — король Португальскій; Вильгельмъ III — король Голландскій; Левъ XIII — папа Римскій; Георгъ I — король Греческій; Николай I — князь Черногорскій; Миланъ IV — князь Сербскій; Карлъ I — князь Румынскій; Абдулъ-Гамидъ — султанъ Турецкій; Тевфинъ-паша — хедивъ Египетскій; Мулей-Гассанъ — султанъ Мароккскій; Насеръ-Эддинъ — шахъ Персидскій; Муцхито — императоръ Японскій; Нуангъ-Сю — императоръ Китайскій; Гейсъ — президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; Донъ-Педро II — императоръ Бразильскій и др.

Въ отдѣльной продажѣ картина эта стоитъ безъ пересылки 5 р., съ перес. 6 руб.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ правомъ бесплатнаго полученія всѣхъ премій и приложений:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ 6 руб. Съ доставкой въ С.-Петербургъ 7 руб. Для иногородныхъ 8 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи „Иллюстрированнаго Мира“ по Никольской улицѣ, домъ № 48.

Донская духовная консисторія предполагаетъ отдать въ арендное содержаніе съ перваго числа марта тысяча восьмьсотъ, восемьдесятъ, перваго года, въредъ на пять лѣтъ, принад-

лежачій Донскому Архіерейскому дому и находящейся въ Миусскомъ округѣ, Области войска Донскаго, на рѣчкѣ Крѣпкой, въ 4 верстахъ отъ слободы Аграфеновки, въ 60 верстахъ отъ г. Ростова на Дону и въ 70 отъ г. Таганрога, хуторъ, со всеми принадлежащими къ нему постройками—жилымъ домомъ и скотскими базами, и земли въ количествѣ одной тысячи десятинъ удобной и 13 десят. 1143 квадр. саж. неудобной. Публичный *торгъ* на отдачу сего хутора и земли въ аренду имѣеть производится *въ присутствіи Донской духовной консисторіи* (въ г. Новочеркасскѣ) *тринадцатаго числа ноября мѣсяца сего 1880 года* (четвергъ), съ узаконенною чрезъ три дня переторжкою—17 числа того же мѣсяца (понедѣльникъ). Желающіе и имѣющіе право участвовать въ семъ торгѣ и переторжкѣ должны заблаговременно представить въ консисторію надлежащія объявленія, оплаченныя гербовыми марками въ 60 к., съ приложеніемъ документовъ о своемъ званіи и благонадежныхъ залоговъ, а не желающіе лично участвовать въ торгахъ могутъ присылать по почтѣ въ ту же консисторію запечатанныя объявленія во всемъ согласно 1909 и 1910 ст. т. X, ч. I, свод. зак., гражд. Условія, на которыхъ предполагается отдать въ аренду вышеозначенный хуторъ съ землею, можно видѣть въ консисторіи въ присутственные дни и часы.

I. СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНАГО ОТДѢЛА.

Высочайшее повелѣніе.—Опредѣленія Св. Синода.—Протоколы сѣзда депутатовъ отъ духовенства Новочеркасскаго училищнаго округа.

II. СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНАГО ОТДѢЛА.

Наставленіе воспитанникамъ Донской дух. семинаріи въ день воздвиженія креста Господня.—Нравственная философія утилитаризма.—Объявленія.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Александръ Гиляревскій.

Печатать дозволяется: цензоръ, протоіерей В. Золотаревъ.

Новочеркасскъ, Ноября 1 дня, 1880 года.

Печатано въ Типографіи „Донской Газеты“. Ноября 1 дня 1880 года.